

ЕЛЕНА ДАНЬКО

**ВАЗА
БОГДЫХАНА**

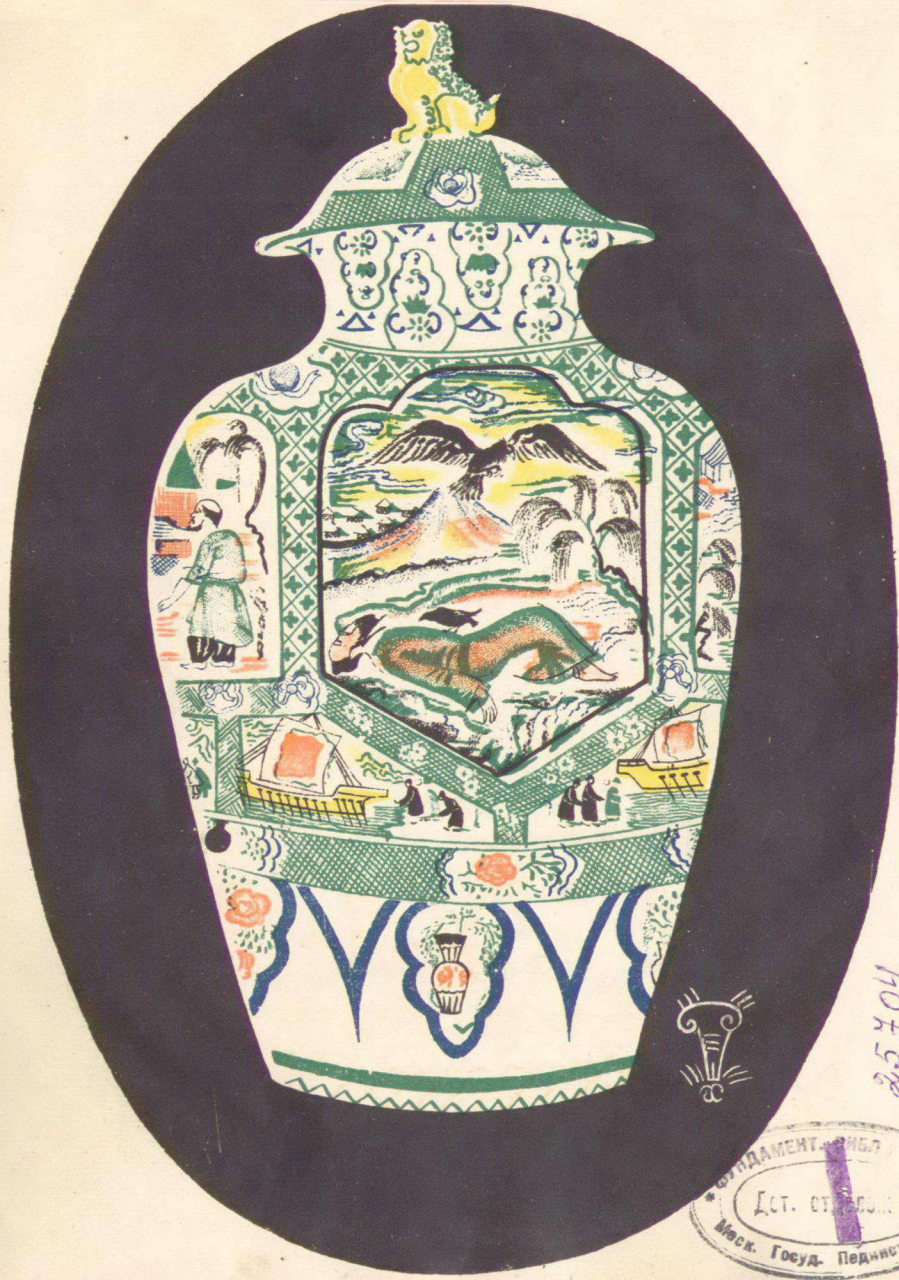
ЛЕГЕНДА
(Для детей среднего возраста).

РИСУНКИ

Е.ХИГЕРА

„РАДУГА“ 1925

25404

I. КИН-ТЕ-ЧЕН.

Много лет назад—в Китае,
Где гранат весь год цветет,
Где над морем золотая,
Как лимон, луна встает,
Где под снегом дремлют горы,—
Был в кольце зубчатых стен
Неприступный древний город,
Славный город Кин-Те-Чен.

Моряки из стран далеких,
Чтоб на город тот взглянуть,
По большой реке с Востока
В Кин-Те-Чен искали путь.

И, забыв свой край веселый,
Для чудес чужой земли,
Итальянец Марко-Поло
Там причалил корабли.

88

Но железные затворы
Не скрипели у ворот, —
Чужеземцам в древний город
Запрещен был въезд и вход.

А безлунными ночами
Люди видели с холма, —
Как несчётными огнями
Пламенели там дома.

Там, в огне печей огромных,
Горожане с давних пор
Обжигали ночью темной
Звонкий, блестящий фарфор.

Золотистый, как прибрежный
Солнцем залитый песок,
И прозрачный, белоснежный,
Как вишневый лепесток.

Далеко летела слава,
Но китайцы сотни лет
От чужих гостей лукавых
Сохраняли свой секрет.

И дремал в долине город
За кольцом зубчатых стен, —
Город нежного фарфора —
Неприступный Кин-Те-Чен.

II. ЖИВОПИСЕЦ.

Жил живописец в Кин-Те-Чене
В убогой хижине у скал;
Он день за днем, не зная лени,
На стройных вазах рисовал.

И яблонь розовые ветки,
И птиц, что в зелени поют,
И золоченые беседки,
Где девушки на палках шьют.

Одну из них, с улыбкой милой,
Он рисовал прекрасней всех.

А имя девушки той было
Хан-Сао — „серебристый смех“.

И драгоценными камнями
Ложились краски на фарфор.
Вот птица Фенг с хвостом как пламя,
И Кво — дракон скалистых гор.

Всем, кто смотрел на вазы эти,
Искусство мастера хваля,
Казалось, солнце ярче светит
И стала радостней земля.

Любили люди дом убогий,
Где, в труд усердный погружен
Сидел на низеньком пороге
Искусный мастер Линг-Ван-Шо

И день за днем неустомимо
Узоры легкие писал,
А ветер, с гор летящий мимо
У входа яблоню качал.

III. ТАТАРЫ.

I.

Год настал,—зловещие пожары
В деревнях соседних занялись,
Из-за гор свирепые татары
На конях косматых принеслись.

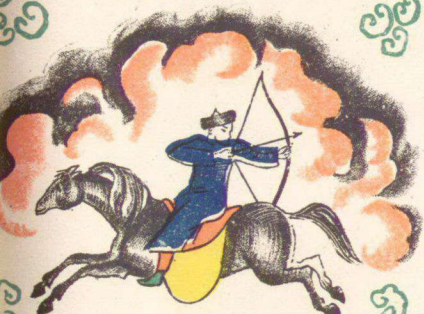
Из узорных луков мечут стрелы,
Рис зеленый вытопан в полях;
В городах, от дыма почернелых,
Кровью забагрилилась земля.

Разрушает городские стены,
Сеет смерть татарская орда,
Столб огня встает над Кин-Те-Ченом,
Городом искусного труда.

Горожане не умеют биться,
Робким пальцам непривычен меч,
Тем, кто не хотели покориться,
Сабли головы рубили с плеч.

Подожженный злобными руками,
Как лампада, Кин-Те-Чен пылал.
Линг-Ван-Шон бежал сквозь дым и пламя
И кого-то в пламени искал.

Он нашел безжизненное тело
И стрелу, пронзившую висок,
И на лоб Хан-Сао помертвелый
Уронила яблоня цветок.

2.

До утра не замолкали стоны...
На заре, когда уполз туман,
Гордо въехал в город разоренный
Победитель, новый богдыхан.

Он прошел, казня и убивая,
От Пекина до Большой Стены,
А за ним над селами Китая
Пламенели зарева войны.

Об искусных фабриках фарфора
К богдыхану донеслась молва;
Окружила разоренный город
И фарфор искала татарва.

Что найдешь в лачугах обгорелых
Под камнями, пеплом и золой?
У печей огромных, опустелых
Черепки хрустели под ногой.

При мерцаньи факелов зажженных
Все дома татары обошли,
В доме живописца Линг-Ван-Шо
Вазу неразбитую нашли.

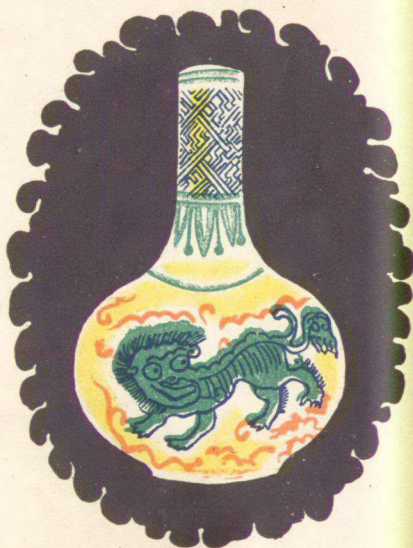

Сёла кровью истекают,
Города разорены,
Я промчался над Китаем,
Как могучий бог войны!

Я хочу на вазе стройной
Видеть след моих побед".
Повелителю спокойно
Отвечал художник: „Нет,

IV. БОГДЫХАН.

Победитель косоглазый
От сраженья отдыхал,
Любовался белой вазой
И художнику сказал:
„Нарисуй на вазе этой
Победителя — меня,
С топором в руке воздетой,
В ярком зареве огня.

Не исполню я приказа,
 Что мне в прихоти твоей?
 Я писал цветы на вазах
 Для простых, как я, людей.

Разве осенью туманной
 Петь заставишь соловья?
 Не рабыня богдыхану
 Кисть прилежная моя.

Что-ж, води меня на муки,
 Палачей своих зови;
 У тебя, владыка, руки
 До локтей в людской крови!"

Побледнел владыка темнолицый
 Палачей с секирами позвал,
 Всех китайцев пленных из темниц
 Привести на площадь приказал.

И пока на площадь выводили
 Осужденных к смерти горожан,
 Палачи секиры наточили
 И сказал жестокий богдыхан:

„Я врага не пощадил ни разу,
 Но китайцев этих пощажу.—
 Распиши мне, живописец, вазу!"
 И в ответ услышал: „Распишу“.

У. ВАЗА БОГДЫХАНА.

Лишь закатной позолотой
Небо вспыхнуло вдали,
В растворенные ворота
В горы пленники ушли.

На родимом пепелище
Пишет вазу Линг-Ван-Шон,
Позабыв и сон, и пищу
В труд поспешный погружен.

Пляшет пляску огневую
Лижет пламя черный свод.
Вот уже вазу расписную
Живописец в печь несет.

Ждут татары за дверями
Наготове держат меч.
Линг-Ван-Шон взглянул на пламя,
И бесстрашно прыгнул в печь.

От неволи неизбежной
Скрылся в яростном огне...
Легкий дым, да пепел нежный
Сторожа нашли в горне.

Наконец, — готова ваза.
Кисть бросает Линг-Ван-Шон,
И по ханскому приказу
Уж огонь в печи зажжен.

А на вазе прихотливой
Четко выступил узор.
Богдыхан нетерпеливый
Стал рассматривать фарфор.

Видит странную картину:
Вот он сам—повержен в прах,
Над простертым властелином
Вьется коршун в облаках.

А кругом — в полях и сёлах
Люди строят, сеют, жнут,
И царят в стране веселой
Вечный мир и вольный труд.

Нет ни бедных, ни богатых,
Не видать следа войны,
Здесь встречают, словно брата,
Гостя из чужой страны,

Там кузнец вздувает горны,
Не мечи—плуги кует,
А зловещий ворон черный
Богдыхану грудь клюет.

Повелитель от испуга
Еле может говорить
И приказывает слугам,
Вазу вдребезги разбить.

Слуги вазу не разбили,
(До сих пор она цела!)
В поле бережно зарыли
И молва о ней пошла.

В городах опустошенных
Говорил, томясь, народ:
„Скоро вазу Линг-Ван-Шона
В поле сеятель найдет.

Вспыхнет радость в разных странах,
Мир наступит навсегда,
И не будет богдыханов
В царстве вольного труда!

И подслушанный веками
До чужих дойдет племен
Сказ о том, как прыгнул в пламя
Живописец Линг-Ван-Шон.”

